В.И. Кулаков, д.и.н., Москва

РАЗВИТИЕ ПАРАДНОГО ОРУЖИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Оружие раннесредневекового населения Восточной Европы на рубеже распада родовых отношений и становления государственности имело не только боевое, но и иное значение. На основе анализа погребальных древностей восточных славян современная наука пришла к следующему выводу. Если в предгосударственный период присутствие оружия в могилах показывало статус погребённого, то в XI-XIII вв. в тщательно сохранявшихся мечах князей и героев видели отображение их славы. «Развитие феодальной организации выдвинуло меч в качестве важнейшего военного и государственного символа»[1]. Считается, что наряду с мечом и копьем символом княжеской власти являлся и миниатюрный топорик, применявшийся, возможно, в дворцовых церемониях[2]. Этот вывод сделан прежде всего с учётом декора мечей и топоров, в ряде случаев выполненном на высоком художественном уровне с применением благородных металлов.

Анализ структуры и смысла орнамента на топориках-амулетах XI-XII вв., имитировавших не только декор, но и форму больших топоров, проведён В.П. Даркевичем. Автор убедительно доказал, что данные амулеты, восходящие к топорам типов IV и VIII (по А.Н. Кирпичникову), являлись оберегами и символами Перуна[3]. В связи с этим возникает вопрос: не имел ли культовый смысл и декор архетипов этих амулетов - реальных топоров, а также и некоторых мечей?

Для выяснения этого вопроса следует обратиться к древностям славян на раннем этапе их истории. На территории, ставшей впоследствии ядром Польского государства, в среднем течении р. Вислы, в ареале гоплян и мазовшан в VI в. н.э. появляются ножи с волютообразными навершиями (рис. 1). В дальнейшем через Подунавье эти ножи распространяются в Восточной Европе, где существуют до IX века. Б. Шиманьский, привлекая обширный археологический материал, доказал, что эти ножи являлись атрибутом славянских жрецов и были непосредственно связаны с земледельческими культами[4]. Сообщение Прокопия Кесарийского позволило сделать вывод, что уже в VI в., времени появления жертвенных ножей, славяне приносили в жертву Перуну быков[5]. Традиции подобного жертвоприношения, в котором со временем быка заменил козёл, дошли до нас в устном русском народном творчестве[6]. Обрядовые песни прямо упоминают нож как атрибут жертвоприношения. Связь жертвы Перуну с ножом позволяет трактовать волюты ранних культовых ножей славян как символ рогов быка (козла, барана), как жертвенного животного (pars pro toto). Зигзаги на рукоятях этих ножей - символы молний[7] - подтверждают принадлежность этих предметов культу бога-владыки молний.

Уже на первичном этапе оформления славянской практики жертвоприношений Перуну с населением Повисления сталкиваются пруссы[8]. К нач. XIII в. пруссы частично занимают земли гоплян и мазовшан, проникая набегами за р. Вислу[9]. В пределах конфедерации прусских земель оказалось большое количество славян. Последние принесли пруссам многовековые традиции земледелия[10]. Логично предположить, что наряду с этим, западные балты могли познакомиться и с земледельческим культом славян. К сожалению, прусская этнография, сохранившаяся фрагментарно, в этом вопросе помочь не может. Зато традиции литовцев, связанные с богом Перкунасом, от которого зависит благополучие земледельца, тщательно собранные В.П. Даркевичем[11], отвечают на этот вопрос однозначно. Многочисленные земледельческие обряды, связанные с топором - символом Перкунаса, роль топора как оберега показывают значительное сходство литовского культа бога-громовника со славянскими языческими традициями XI-XII вв. У пруссов в 1520 г. зафиксировано жертвоприношение богу-громовнику (?) быка[12]. Быки и их жертвоприношения были, несомненно, известны пруссам и аукштайтам не позднее XIII в., ибо уже в это время они использовали бычьи пахотные упряжки[13].

Современный уровень изученности древностей балтов позволяет выделить среди типов их вооружения предметы сакрального характера. К ним относятся прежде всего однолезвийные мечи с антенновидными навершиями (рис. 2, 1) (10 экз.). Местом их появления Р.К. Волкайте-Кулика-ускене определяет западную Литву, время бытования - кон. X-XI вв.[14] Прототипы этих мечей - двулезвийные клинки типов Z и Z-особый появляются в Прибалтике и на Руси, как доказал А.Н. Кирпичников, не ранее рубежа X-XI вв.[15]

Железные навершия и перекрестия создают конструкцию рукояти, делающею меч непригодным для боевого фехтования. С другой стороны, антенновидные навершия этих клинков аналогичны по устройству и, видимо, по семантической значимости, навершиям жертвенных ножей славян. Те и другие использовались при заклании жертв Перуну-Перкунасу. Обращает внимание необычная форма перекрестия таких мечей. Своим центральным выступом они показывают знакомство балтских оружейников с эфесами мадьярских и русских сабель. Эта особенность сабельного перекрестия «запертого вражеского удара» могла появиться на мечах не ранее XII в.[16], что уточняет время оформления деталей сакральных мечей балтов.

Перекрестие этих мечей по форме и прорезному орнаменту полностью соответствует двойному топорику-амулету Перуна из Новгорода[17]. Даже такая мельчайшая деталь, как прорезные линии в самой узкой части топора, совпадают на подвеске из Новгорода и на балтских мечах[18].

Итак, самостоятельное создание западнобалтскими оружейниками ножа-меча[19] и знакомство дружины Прибалтики[20] с оружием Поднепровья привели к оформлению в XI-XII вв. местного типа сабли-меча. Это ставшее сакральным оружие возникает как в западной Литве, так и на Самбии[21] и проникает в землю ливов.

Великолепным экземпляром подобного оружия является меч из музея Барджелло во Флоренции (рис. 2, 3), приписываемый польскому феодалу Яксе из Мехува[22]. Последний поставил меч в Италии по обету между 1162 и 1176 гг. К знатному воину из окрестностей Кракова этот меч мог попасть только как трофей одного из сражений с пруссами, которыми так богат был для Польши XII в. Сакральные мечи балтов (тип III по А.Н. Кирпичникову на Руси редок) таковыми воспринимались и в Польше. Это подтверждается не только жертвой по обету Яксы из Мехува. Коронационный меч польских королей - знаменитый «Щербец», изготовленный до 1248 г. для князя Мазовецкого Болеслава, чьи владения граничили с прусскими землями[23], повторяет отдельные детали сакральных мечей балтов (рис. 2, 4). Отголоски их оформления отразились и в антенновидных навершиях (в одном случае - головка козла) однолезвийных ножей Нижней Германии XIV-XV вв.[24]

Изображение жертвенных козлов на перекрестии меча из музея Барджелло соотносятся с богато орнаментированными топорами из Шлёнска (рис. 3). На мече и топорах представлены парные изображения козлов (на топорах - с обеих сторон лезвия). Техника изготовления изображений - плакировка серебряным листом с бронзовыми инкрустациями - не характерная для Центральной Европы и Скандинавии, хорошо известна в дружинных древностях пруссов[25] и аукштайтов[26] X-XII вв. С другой стороны, парные изображения жертвенных козлов появляются на фибулах-оберегах[27] в земле пруссов с сер. X в.[28] и существуют у западных балтов вплоть до XIV в. (рис. 5, 4, 7). Символ жертвенных животных, как и навершия ритуальных мечей, отображают биспиральные головки булавок Западной Литвы X-XI вв.[29] Это позволяет предположить не только устойчивые западнобалтские традиции жертвования богу-громовнику парнокопытных домашних животных - козлов, но и прибалтийское происхождение архетипов топориков одерского левобережья. Данные предметы относятся к топорам типа IV (по А.Н. Кирпичникову). Считается, что данный тип оружия конного воина возник в X в. на Руси[30]. Однако находки топоров типа IV, украшенных таушированным орнаментом, позволили П. Паульсену выделить их в особую северобалтийскую группу. Такое обособление орнаментированных топоров типа IV общепризнанно[31]. Их происхождение гипотетически можно связать с землёй пруссов, ибо самый ранний, реалистически изображавший птичье крыло орнамент встречен в прусских дружинных погребениях[32]. На востоке Балтийского бассейна орнамент этих топоров геометризируется, сохраняя при этом отдельные элементы архетипа (рис. 3, 3). Полукруглые очертания перьев превращаются в ромбические фигуры, длинные маховые перья оформляются в виде зигзагов.

Родившееся в дружинной среде пруссов топоры с отверстием и крючком в нижней части лезвия первоначально имели сугубо боевое назначение. На это указывают их характерные черты. Отверстие в лезвии предназначалось для крепления шкота[33], крюк позволял плотнее держаться топо-

ру в борту вражеской ладьи или способствовал стаскиванию с коня противника. Шкот позволял притягивать топор обратно после броска. Этим данные топоры совмещали функции как позднейших абордажных крючьев, так и метательных франциск IV-V вв. н.э.[34] Однако уже на рубеже XI-XII вв. подобные топоры (крючок у них - меньше размерами относительно боевых топоров) служат прусским жрецам. Это явствует из сцены принесения прусским жрецом Сикко миссионера Войцеха в жертву языческим богам, представленной на Гнезненских вратах сер. XII в.[35] (рис. 3, 4).

Можно предположить, что культовые функции присущи и 11 топорам с плакированными сакральными изображениями[36], найденными в Восточной Европе (рис. 1). Представленный на них в ряде случаев орнаментальный мотив «процветшего ростка» (т.н. «топорик Андрея Боголюбского», «сим-бирский топорик» и т.д.) вписывается в схему культовых воззрений, связанных с земледельческими обрядами, адресованными богу-громовнику. Известные по этнографическим данным костяные (уже не жертвенные) топоры XVII-XIX вв., бытовавшие в Прибалтике, снабжались аналогичными изображениями[37]. Следы сработанности на их лезвиях, как и на остриях древнерусских топориков-амулетов, указывают на то, что ими производились ритуальные действия, связанные с ударами лезвия (имитация рубки первого дерева на будущем пахотном поле и т.д.). Наиболее ранний из костяных топоров, найденный в Быдгощи (Польша) и датируемый XI в.[38], по декору восходит к «пернатому» орнаменту прусских топориков с крючком. Обнаруженный на польско-прусском пограничьи, топорик из Быдгощи относится, вероятно, к кругу атрибутов прусских жрецов.

Таким образом, в древностях балтов и славян выявлен ряд категорий оружия, применявшегося, видимо, первоначально при заклании жертвы. Затем это оружие (в уменьшенном размере и в ином материале) стало оберегами и орудиями магии.

1. Жертвенные ножи с волютообразными навершиями. Их распространение в VI-IX вв. соответствует расселению славянских племен в Восточной Европе. Эти ножи применялись жрецами при заклании парнокопытных животных небольших размеров - козлов и баранов (жертвенные ножи невелики по размерам). Данная культовая практика несомненно связана прежде всего с земледелием. Отсутствие деревянной или костяной рукояти сближает жертвенные ножи с плужными.

2. С кон. X по XII вв. в землях пруссов, куршей и, в меньшей степени, ливов при жертвоприношениях используются ножи-мечи с перекрестиями в виде пары топоров. Причастность этого оружия культу Перкунаса подтверждается формой антенновидных наверший мечей балтов. Не исключено, что ритуальное значение имели и мечи ливов с бронзовыми рукоятями в виде пары драконов, однако их рассмотрение в рамки данной работы не входит.

Обычай применения неславянским[39] населением Восточной Европы мечей при жертвоприношениях отмечен как в письменной традиции (ибн-

Фад-лан)[40], так и в археологическом материале. Анализ последнего позволил установить возникновение в дружинной среде Поднепровья традиции жертвоприношения козла или барана[41]. Эти заклания предназначались повелителю молний - Тору, что подтверждается находкой в знаменитой Чёрной Могиле его статуэтки[42], находившейся в верхней части могильной насыпи рядом с двумя скрамасаксами. Последние совершенно справедливо определены Б.А. Рыбаковым как жертвенные мечи[43], применявшиеся при заклании барана, шкуры и кости которого были помещены в насыпь рядом.

Как и жертвенные скрамасаксы Гнёздова и Чёрной Могилы, культовые мечи западных балтов тоже имеют однолезвийный клинок длиной до 80 см. Представляется вполне вероятным знакомство дружинников-балтов с этим обрядом в Поднепровье. После возникновения её в пределах Руси (X в.) данная культовая практика с кон. X в. начинает использоваться на берегах Балтики. Как и русские дружинники, балты применяют меч при жертвоприношении богу-громовнику - Перкунасу. Этот обычай перенимают потом и ливы.

В X-XI вв. известны культовые мечи скандинавского происхождения, имевшие костяные перекрестия. Последние не предполагают использования этого оружия в бою. Перекрестие меча из Сигтуны на одной из сторон несёт изображение головы мужчины с длинными волосами и усами, на другой - фигурку козла[44]. Отметим, что более ранний жертвенный скрамасакс из кургана 74 в Гнёздове между рукоятью и клинком был снабжён серебряной головкой бородатого мужчины[45]. «Меч св. Стефана» из клада в соборе Св. Вита (Прага) снабжён аналогичным по материалу, форме и изображениям перекрестием[46]. Культовый меч типа Т (по Я. Летерсену) из Островита (Зеленогурское воев. Польши) также был снабжён костяным перекрестием и навершием[47].

3. Результатом связей с восточной Европой является, вероятно, появление сначала в земле пруссов, а затем и у других народов Прибалтики боевого топора типа IV (по А.Н. Кирпичникову). С кон. X в. эти топоры украшаются здесь таушированным «пернатым» орнаментом, удачно сочетающимся по смыслу с формой самого топора (птичье крыло). Можно предположить, что данный предмет вооружения тоже использовался в жертвоприношениях. Его орнамент и форма указывают на объект заклания - птицу. Доказано, что в сонме жертв северным богам не последнее место занимал петух, связанный с культом Одина и загробным миром[48]. Наличие подобного жертвоприношения в культе пруссов неудивительно, ибо новейшие исследования выявили плотные связи в скандинавской и балтской мифологиях[49]. Свидетельства подобной культовой практики у пруссов и литовцев подтверждают данные археологии[50] и этнографии[51].

4. Появление в Восточной и Центральной Европе в XI в. культовых топориков небольших размеров является следствием интенсивных связей местного населения с Прибалтикой. Как у восточных славян, так и у мора-

ван и сленжан эти топоры характеризуются: а) формами, восходящими к общему прототипу, представленному в Прибалтике; б) некоторые топоры копируют чисто балтские формы, например, общеизвестный ладожский топорик воспроизводит форму узколезвийных топоров[52] древнего населения Литвы и Латвии X-XI вв.; в) данные топоры украшены плакировкой, характерной прежде всего для декоративного искусства пруссов и аукштайтов XI-XII вв. Культовые топорики, по размерам и ввиду узкого лезвия не пригодные для боевых действий, обнаружены вне археологических комплексов, изредка - на городищах (святилищах ?). Содержание композиции изображений, представленных на восточнославянских топориках (растительный орнамент) указывает на их причастность к культу плодородия. Тот факт, что они встречены в окраинных, слабо подверженных христианизации землях Руси (рис. 1), подтверждает их языческую сущность. Показательно, что в некоторых пунктах их распространения ранее бытовали ножи с волютообразными навершиями (Новгородчина) и встречены топоры с «пернатым орнаментом». Это указывает на устойчивые традиции существования жертвенного и культового оружия у восточных славян. В связи с этим трудно предположить правомерность упоминавшейся выше концепции их использования в дворцовых церемониях. Топорики царских рынд позднейшего времени по форме лезвия воспроизводят равносторонние секиры типа М (по Я. Петерсену) варяжской гвардии императоров Византии[53].

Топорики Шлёнска и Моравии (рис. 4), по форме восходящие к прусским образцам, являются результатом своеобразной языческой оппозиции, возникшей по отношению к католицизму на данных территориях в XI в. Важное значение при этом имело, видимо, и влияние проникавших в верховья р. Вислы в результате прусских походов балтских культовых традиций[55]. Даже погребение чешского князя Болеслава IV (ум. 999 г.) сопровождалось причастными к культу плодородия жертвами домашних животных[56].

5. Таким образом, практически все категории и типы жертвенного оружия балтов и славян VI-XII вв. связаны с земледельческой культовой практикой поклонения богу-громовнику (Перкунасу-Перуну). Аналогичные предметы у скандинавов соответствуют культу Тора. В Восточной Европе Перун почитался как в виде идола (Новгород, Киев), так и в виде топора с сакральными изображениями[57]. Топор или его аналог-заменитель трёхлопастной крест - символы громовника - на фибулах ливов X-XI вв.[59] и парные фигурки козлов на фибулах западных балтов X-XIV вв. (рис. 5, 4, 7) указывают на почитание бога через его атрибуты и жертвенных животных. Самое раннее антропоморфное изображение громовника известно на англо-фризских серебряных монетах-скеаттах VIII в. (рис. 5, 1). Здесь Тор представлен длинноволосым и длинноусым мужчиной, как и на упоминавшемся выше перекрестии меча из Сигтуны. По бокам мужской головы на монетах представлены символы топора Тора - лопастные кресты. На реверсе монет - бегущий козёл, неразлучный спутник Тора, нёсший его гро-

мовую колесницу. В современной литературе, несмотря на указанные выше конкретные реалии, установилась тенденция соотнесения этих изображений с Одином[60].

В дружинном искусстве Поднепровья, в X в., впитавшем разнокультурные традиции, создаётся образ Тора с парой козлов (рис. 5, 2), представленных и отдельно от своего повелителя (рис. 5, 3). Образ Тора с двумя животными-спутниками воспроизводит композицию «Один и вороны», известную у германцев уже с V в. н.э.[61] Этой же схеме соответствуют прусские дружинные изображения как Перкунаса (рис. 5, 5), так и его рогатого спутника с символами громовника на кончиках рогов (рис. 5, 6). Сходство композиции изображения бога-повелителя молний - результат становления единой дружинной культуры Балтийского субрегиона, объединявшего в своих пределах различные этносы, близкие между собой как в экономическом и хозяйственном отношениях, так и в области искусства, стоявших на одном уровне общественного развития[62].

Находки IX в. в Микульчице (Великая Моравия) подтверждают единые представления славян, балтов и скандинавов об атрибутах и животных-спутниках бога-громовника. Фигурка Перуна на наконечнике ремня снабжена топором-молотом и символом жертвенного животного - рогом[63]. Сцена борьбы козла с драконом[64] на культовом жребии воссоздаёт мотив основного индоевропейского мифа. Его персонажи - рогатый скот и дракон наряду с богом-громовником надолго закрепились в фольклоре славян и балтов[65].

Подводя итог, можно сказать, что культовое оружие на рубеже I-II тысячелетий н.э. было присуще как народам востока, так и центра и севера Европы. Жертвенные мечи и топоры объединяются общими формами, родившимися в X в. в бассейне Балтики. Единой является смысловая нагрузка декора этого оружия. Кроме «пернатого» орнамента топоров пруссов, остальное культовое оружие связано с поклонением богу-громовнику. У балтов мечи для жертвоприношений отличаются от боевого оружия секировидными перекрестиями и антенновидными навершиями, у скандинавов - несут на костяных перекрестиях изображения Тора и его козлов. Подобные изображения с прибавлением мотива «процветшего ростка» представлены на топоре из Маммен (Дания)[66]. Последний элемент орнамента является ведущим на культовых топориках Восточной Европы.

XI в. явился переломным в истории европейского язычества. Во многом под давлением христианства кровавые жертвоприношения сменяются бескровными ритуалами[67]. В свете этого культовые топорики Древней Руси XI-XII вв. и этнографические костяные топоры Прибалтики могут считаться уже не жертвенными (как мечи пруссов и куршей и топоры мораван), а магическим оружием[68].

Магические изображения, связанные с земледельческими культами и отражающие принесение в жертву рогатых парнокопытных животных, представлены сначала в декоре княжеского вооружения[69] и снаряжения[70]

XI-XII вв. переходят на дворянские гербы XIII в. (Польша)[71], и в конечном итоге сохраняются на традиционной народной одежде[72].

Изучение культового оружия народов Восточной Европы показывает возникновение и развитие общего для балтов, славян и скандинавов культа бога-громовника, у первых двух народов оттесняющего верховное божество[73]. Эта перемена в религиозных воззрениях связана с деятельностью дружины, вышедшей из рамок общественных и религиозных структур рода. Княжеская принадлежность культа Перуна на Руси бесспорна[74].

В дружинной среде славян и балтов формировалась прослойка независимых от рода жрецов, которым и принадлежало жертвенное оружие, рассмотренное в данной работе. Топько плотный контакт этих жрецов с дружиной может объяснить заимствование для жертвенного оружия дружинных типов вооружения.

Конечный акт заклания жертвенным оружием - помещение головы жертвы в культовый сосуд - представлен в упомянутых выше погребениях в Чёрной Могиле и Гнёздове, положение головы барана на алтарь Перуна показано в деревянной скульптуре из Новгорода (вторая пол. X в.)[75]. Апофеозом культа бога-громовника, развившегося в дружинной культуре, явилось создание князем Владимиром Святославичем ок. 980 г. государственного культа Перуна для укрепления идеологической базы молодого Русского государства[76]. Тенденция к подобной языческой реформе отмечена и у пруссов и проводилась вождями Брутеном и Видевутом, деятельность которых относится к нач. VIII в.[77] Однако если княжеский культ Владимира был призван укреплять раннефеодальное государство, то культ Перкунаса у пруссов выделял, возможно, сакрализовал первоначальную дружинную прослойку пруссов нач. VIII в. Слишком устойчивые родовые отношения в это время не предполагали создания государственности на западной окраине балтского мира.

Глубочайшие корни, которые пустил культ Перуна-Перкунаса в народном сознании, сохранившиеся в этнографических материалах до наших дней, показывают особую значимость этого культа. Возведение князем бога-громовника на вершину языческого пантеона, жертвоприношения и моления о даровании плодородия пашням уже соответствуют периоду прочного становления государственности (на примере Киевской Руси), базой которого являлось земледелие. Само использование ранеебоевых типов сооружения дружинников в качестве культового оружия показывает прямую связь дружины с земледельческим хозяйством и культом. Этот факт знаменует начало превращения жившей ранее только за счёт военной добычи дружинников в класс феодалов-земледельцев (X-XI вв.).

Таким образом, важнейшая роль оружия как символа раннефеодальной княжеской власти кроется в осмыслении его магического смысла как культового оружия. Меч и топор феодала (князя и его вассалов) символизирует жертвоприношение, обеспечивавшее плодородие пашен и связанное с этим благосостояние земледельцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ***Кирпичников А.Н.*** Древнерусское оружие. Вып. 1. Свод археологических источников Е. 1-36. М.-Л., 1966. С. 48, 49, 59.

2. ***Кирпичников А.Н.*** Древнерусское оружие. Вып. 2. Свод археологических источников Е. 1-36. М.-Л., 1966. С. 42, 45.

3. ***Даркевич В.П.*** Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология. 1961. № 4. С. 96, 101.

4. ***Szymański W.*** Wczesnośredniowieczne nozẽ z rekojesciami zakonczonymi wolutami w swietle nowych badań // Wiadomosci archeologiczne. XXXI, 1965. Z. 2-3. S. 146-148.

5. ***Седов В.В.*** Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С. 268.

6. ***Рыбаков Б.А.*** Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 139.

7. ***Даркевич В.П.*** Топор как символ Перуна... С. 94.

8. ***Кулаков В.И.*** «Прусские земли» в свете археологии // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 73.

9. ***Ślaski K.*** Przyczyny polityczne zaboru ziemi Chełminskiej przez Prusów w XIII wieku. Acta Baltico-Slavica, 7, 1970. S. 28.

10. ***Powierski J.*** Stosunki polsko-pruskie do 1230 r. Torun, 1968. S. 121.

11. ***Даркевич В.П.*** Топор как символ Перуна... С. 96-100.

12. ***Lucas David.*** Preussische Chronik. Königsberg, 1812. S. 117.

13. ***Вийрес А.О.*** Упряжные волы и лошади в Прибалтике (XIII-XIX вв.) // Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1975. С. 32,32.

14. ***Volkaitė-Kulikauskienė R.*** Lietuviai IX-XII amž. Vilnius, 1970. P. 201.

15. ***Кирпичников А.Н.*** Древнерусское оружие. Вып. 1. С. 35.

16. Там же. С. 69.

17. ***Арциховский А.В.*** Раскопки 1951 г. в Новгороде // Советская археология. XVIII. 1953. Рис. 25.

18. ***Żak J.*** «Importy» skandynawskie na ziemiach zachodniosłowiańskich, od IX do XI wieku (cześc katologowa). Poznań, 1963. Ryc. 86.

19. ***Казакявичюс А.*** Развитие вооружения жителей Литвы в I тыс. н.э. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986. С. 54.

20. ***Кулаков В.И.*** Пруссы и восточные славяне // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 130.

21. ***Paulsen P.*** Einige Säbelschwerten in Ostseeraum // Documenta archeologica, W. La Baume dedicata. Bonn, 1956. S. 121.

22. ***Heydebrand-Lasa F.*** Die bildlichen Darstellungen auf Prunkwaffen germanisch-slawischer Berührungsgebiete und ihre Bedeutung für die genealogische Geschichtsforschung, Altschlesien. 8. 1939. S. 147.

23. ***Nadolski A.*** Broń średniowieczna z ziem polskich. Lódź, 1978. S. 36.

24. ***Müller H., Kölling H.*** Europäische Hieb-und Stichwaffen. Berlin, 1981. S. 177.

25. ***La Baume W.*** Zur Technik der Verzierung ostreußischer Waffen der Wikingerzeit. Altpreußen, 6. Jahrg. H. 2. 1941. S. 29.

26. ***Vaitkunskiene L.*** Sidabras senoves Lietuvoje. Vilnius, 1981. P. 71-77

27. ***Рыбаков Б.А.*** Язычество Древней Руси. С. 297.

28. ***Mühlen B.*** Die Kultur der Wikinger in Ostpreußen, Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 1975. № 9. Taf. 56.

29. ***Tautavičius A.*** Lietuvos archeologijos atlasas, IV. Vilnius, 1978. P. 87.

30. ***Кирпичников А.Н.*** Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 36, 37.

31. ***Корзухина Г.Ф.*** Ладожский топорик // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 93.

32. ***Кулаков В.И.*** Семантика оружия пруссов // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1982. С. 186.

33. ***Ханенко Б.И., Ханенко В.И.*** Древности Приднепровья. Вып. V. Киев, 1902. С. II, IV.

34. ***Разин Е.А.*** История военного искусства. Ч. II. М., 1940. С. 16.

35. ***Karwasińska J.*** Drzwi Gnieźnieńskie a rozwój legendy o Świętym Wojciechu // Drzwy Gnéźneińskie. Wrozław, 1956. T. I. S. 20-26,

36. ***Корзухина Г.Ф.*** Ладожский топорик. С. 89.

37. ***Paulsen P.*** Axt und Kreuz in Nord-und Osteuropa. Bonn, 1956. S. 52.

38. ***Hensel W.*** Studia i materialy do osadnictwa Wielkopolski wczesnoshistorycznej. Poznań, 1950. T. I. Ryc. 70.

39. ***Лебедев Г.С.*** Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 23, 24.

40. ***Ковалевский А.П.*** Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 144.

41. ***Петрухин В.Я.*** Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX-XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1983. С. 178.

42. ***Пушкина Т.А.*** Бронзовый идол из Чёрной Могилы // Вестник МГУ. Сер. 8: «История». 1984. № 3. С. 87.

43. ***Рыбаков Б.А.*** Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1949. Т. I. № 11, С. 41.

44. ***Graham-Campbell J., Kidd D.*** The Vikings. London, 1980. Pl. 98.

45. ***Спицын А.*** Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия Археологической Комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. Рис. 113-115, 141.

46. ***Filip J.*** Pradzieje Czechosłowacij. Poznań, 1951. Ryc. 101.

47. ***Langenheim K.*** Bedeutung der Wikinger für Schlesiens Frühgeschichte. Altschlesien. Bd. 6. 1936. H. 2. S. 287.

48. ***Петрухин В.Я.*** Погребения знати эпохи викингов (по данным археологии и литературных памятников) // Скандинавский сборник XXI. Таллин, 1976. С. 163.

49. ***Топоров В.Н.*** К балто-скандинавским мифологическим связям // Donum Balticum. Stockholm, 1970. С. 539-540.

50. ***Урбанавичюс В.*** Реликты язычества в памятниках XIV-XVI вв. в Литве // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985. С. 163.

51. ***Мержинский А.Ф.*** Ромове // Труды десятого археологического съезда в Риге. Т. I. М., 1899. С. 375, 376.

52. ***Volkaitė-Kulikauskienė R.*** Ginklai // Lietuviu materialine kultūra IX-XIII amžiuje, II. Vilnius, 1981. P. 37.

53. ***Heath I.*** The Vikings. London, 1986. P. 25.

54. ***Paulsen P.*** Axt und Kreuz... S. 178.

55. ***Велецкая Н.Н.*** Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С 14.

56. ***Hermann J.*** Zwischen Hradschin und Vineta. Jena-Berlin, 1976. S. 219.

57. ***Даркевич В.П.*** Топор как символ Перуна... С. 100.

58. ***Paulsen P.*** Axt und Kreuz... S. 215.

59. ***Tallgren A.M.*** Zur Archäologie Eestis,II. Dorpat, 1925. Abb. 88, 89.

60. ***Callmer J.*** Sceatta problems in the light of the finds from Ahus, Studien utvigna av kungl. Humanistiska vetenskapssamfundet i Lund, 1983-1984. № 2. P. 10. Typ. X.

61. Die Germanen. Ein Handbuch. Bd. 2. Berlin, 1983. S. 215.

62. ***Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.*** Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 237.

63. ***Hermann J.*** Slawen und Wikinger in der Frühgeschichte der Ostseevölker // Wikinger und Slawen. Berlin, 1982. Abb. 48 c.

64. ***Hermann J.*** Zwischen Hradschin und Vineta. Bild 57.

65. ***Топоров В.Н.*** Vilnius, Wilno, Вильнюс: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 32.

66. ***Pendlesonn K.R.G.*** The Vikings. New York-London, 1980. P. 89.

67. ***Велецкая Н.Н.*** Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 70-73.

68. ***Корзухина Г.Ф.*** Ладожский топорик. С. 89.

69. ***Langenheim K.*** Die Bedeutung... S. 288. Taf. XXIX, 4.

70. ***Городцов В.А.*** Древнее стремя Государственного Исторического музея // Труды Гим. Вып. I. М., 1926. С. 132.

71. ***Paulsen P.*** Prunkwaffen der Niederlausitz, Altschlesien. Bd. 7. 1937. H. I. S. 116.

72. Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда. Рига, 1986. Рис. 120, 121.

73. ***Гамкрелидзе Т.В, Иванов Вяч. Вас.*** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. II. С. 798.

74. ***Рыбаков Б.А.*** Язычество Древней Руси. С. 254.

75. ***Колчин Б.А.*** Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников СССР, EI-55. М., 1971. С. 38. Табл. 28, 30.

76. ***Рыбаков Б.А.*** Язычество Древней Руси. С. 412.

77. ***Кулаков В.И.*** Начало дружины пруссов // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1985. С. 190.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Callmer J.*** Sceatta problems in the light of the finds from Ahus. Studien utvigna av kungl. Humanistiska vetenskapssamfundet i Lund. 1983-1984. P. 7-18.

2. ***Filip J.*** Pradzieje Czechosłowacji, Poznań, 1951.

3. 1936. gadā izrakto piemineklu izstāde, Rigā, 1936.

4. Die Germanen. Ein Handbuch. Bd. 2. Berlin, 1983.

5. ***Graham-Campberr J., Kidd D.*** The Vikings. London, 1980.

6. ***Heath I.*** Thae Vikings. London, 1986.

7. ***Hansel W.*** Studia i materiały do osadnitctwa Wielkopolski wcześno - chistorycznej. T. I. Poznań, 1950.

8. ***Hermann J.*** Zwischen Hradschin und Vineta. Jena-Berlin, 1976.

9. ***Hermann J.*** Slawen und Wikinger in der Frühgeschichte der Ostsee-völker // Wikinger und Slawen. Berlin, 1982. S. 18-43.

10. ***Heydebrand-Lasa F.*** Die Bildlichen Darstellungen auf Prunkwaffen germanisch-slawiascher Berührungsgebiete und ihre Bedeutung für die genealogische Geschichtsforschung. Altschlezien, 8, 1939. S. 132-151.

11. ***Karwasińska J.*** Drzwi Gnieznienskie a rozwoj legengy o swieetym Wojciechu // Drzwi Gnieznienskie. T. I. Wroclaw, 1956.

12. ***La Baume W.*** Zur Technik der Verzierung ostreußischer Waffen der Wikingerzeit, Altpreußen, 6. Jahrgang. H. 2. 1941.

13. ***Langenheim K.*** Bedeutung der Wikinger für Schlesiens Frühgeschichte, Altschlesien. Bd. 6. H. 2. S. 26-30.

14. Latvijas PSR arheologia. Riga, 1974.

15. ***Mühlen B.*** Die Kultur der Wikinger in Ostpreußen. Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 1975. № 9.

16. ***Müller H., Kolling H.*** Europaische Hieb-und Stichwaffen. Berlin, 1981.

17. ***Nadolski A.*** Bron sredniowieczna z ziem polskich.Lodz, 1978.

18. ***Paulsen P.*** Prunkwaffen der Niederlausitz, Altschlesien. Bd. 7. 1937. H. 1. S. 112-117.

19. ***Paulsen P.*** Axt und Kreuz bei den Nordgermanen. Berlin, 1939.

20. ***Paulsen P.*** Einige Sabelschwerten in Ostseeraum // Documenta archaeologica, W. La Baume dedicata. Bonn, 1956. S. 121-131.

21. ***Pendlesonn K.R.G.*** The Vikinge. New York-London, 1980.

22. ***Powierski. J.*** Stosunki polsko-pruskie do 1230 r. Torun, 1968.

23. ***Slaski K.*** Przyczyny politiczne zaboru ziemi Chelminskiej przez Prusow w XIII wieku, Acta Baltico-Slavica, 7. 1970. S. 23-30.

24. ***Tallgren A.*** Archaologie Eestis, II. Dorpat, 1925.

25. ***Tautavicius A.*** Lietuvie archeologijos atlasas, IV. 1978.

26. ***Vaitkunskiene L.*** Sidabras senoves Lietuvoje. Vilnius, 1981.

27. ***Volkaite--Kulikauskiene R.*** Lietuviai IX-XII amziais. Vilnius, 1970.

28. ***Volkaite-Kulikauskiene R.*** Ginklai // Lietuviu materialine kultura IX-XIII amziuje, II. Vilnius. P. 6-48.

29. ***Zak J.*** «Importy» skandynawskie na ziemiach zachodnioslowianskich od IX do XI wieku (czesc katologowa). Poznan, 1963.

30. ***Арциховский А.А.*** Раскопки 1951 г. в Новгороде // Советская археология, XVIII. 1953. С. 342-371.

31. ***Велецкая Н.Н.*** Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.

32. ***Вийрес А.О.*** Упряжные волы и лошади в Прибалтике (XIII-XIX вв.) // Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1975. С. 12-32.

33. ***Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.В.*** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984.

34. ***Городцов В.А.*** Древнее стремя Государственного Исторического Музея // Труды Государственного Исторического Музея. Вып. I. М., 1926. С. 125-134.

35. ***Даркевич В.П.*** Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология, 1961. № 4. С. 84-102.

36. Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда. Рига, 1986.

37. ***Казакявичус В.*** Развитие вооружения жителей Литвы в I тысячелетии н.э. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986. С. 53-54.

38. ***Кирпичников А.Н.*** Древнерусское оружие // Свод археологических источников. EI 36. Вып. 1. М.-Л., 1966а.

39. ***Кирпичников А.Н.*** Древнерусское оружие // Свод археологических источников. EI-36. Вып. 2. М.-Л., 1966.

40. ***Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.*** Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189-297.

41. ***Ковалевский А.П.*** Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.

42. ***Колчин Б.А.*** Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников. EI-55. М., 1971.

43. ***Корзухина Г.Ф.*** Ладожский топорик // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 89-96.

44. ***Кулаков В.И.*** Семантика оружия пруссов // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1982. С. 186-187.

45. ***Кулаков В.И.*** Пруссы и восточные славяне // Тезисы докладов советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 130.

46. ***Кулаков В.И.*** «Прусские земли» в свете археологии // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 72-74.

47. ***Лебедев Г.С.*** Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 21-24.

48. ***Минасян Р.С.*** Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии, II. Л., 1978. С. 148-152.

49. ***Петрухин В.Я.*** Погребения знати эпохи викингов (по данным археологии и литературных памятников) // Скандинавский сборник. XXI. Таллин, 1976. С. 153-170.

50. ***Пушкина Т.А.*** Бронзовый идол из Чёрной Могилы // Вестник Московского Государственного Университета. 1984. № 3. С. 86-87.

51. ***Разин Е.А.*** История военного искусства. Ч. II. Москва. 1940.

52. ***Рыбаков Б.А.*** Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1949. С. 7-93.

53. ***Рыбаков Б.А.*** Язычество Древней Руси. М., 1987.

54. ***Седов В.В.*** Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

55. ***Топоров В.Н.*** Vilnius, Wilno. Вильнюс: город и миф // Балтославянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 3-71.

56. ***Урбанавичюс В.*** Реликты язычества в памятниках 14-16 вв. в Литве // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин. 1985. С. 161-166.

57. ***Ханенко Б.И., Ханенко В.И.*** Древности Приднепровья. Вып. V. Киев. 1902.

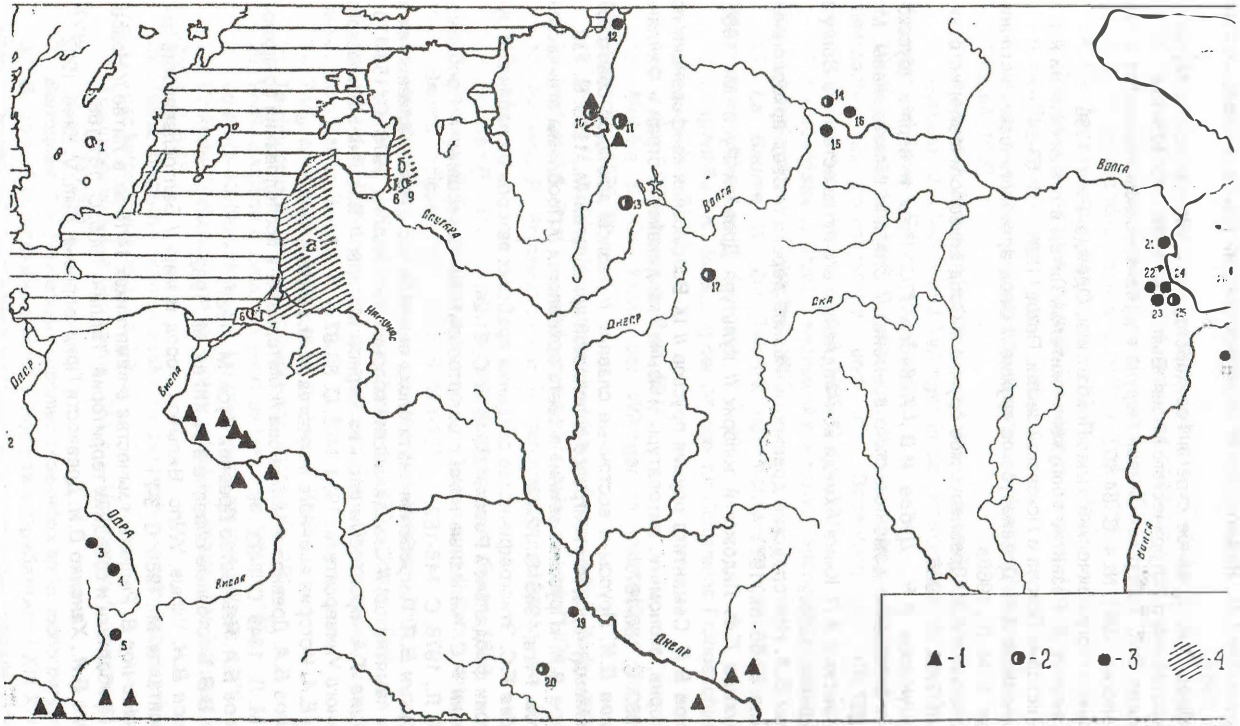

Рис. 1. **Карта распространения культового оружия балтов и славян эпохи раннего средневековья.**
1. Жреческие ножи с волютообразным навершием; 2. «Северобалтийская группа» топоров XI в. (по П. Паульсену); 3. Культовые топоры славян с плакированными изображениями (реже - таушировка) XI-XII вв.; 4. Ареалы культовых мечей и костяных обрядовых топориков, подковообразных фибул с головками козлов.

В ареале «а», кроме того, представлены булавки с антенновидными навершиями.

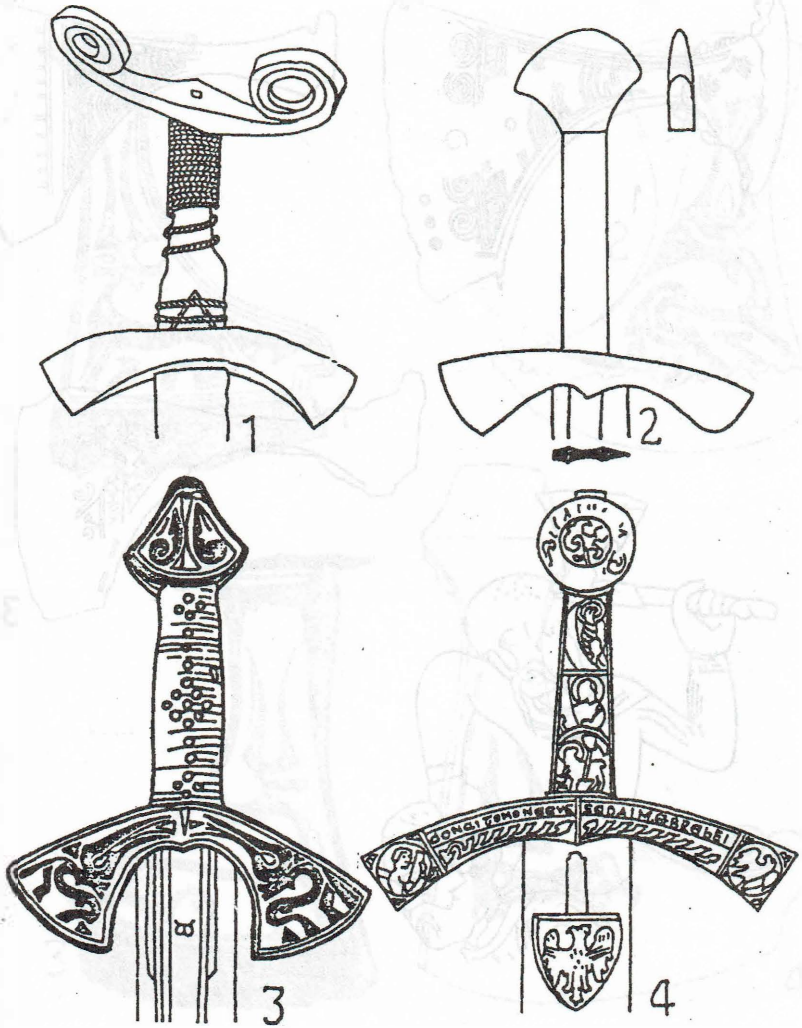

Рис. 2. Культовые мечи западных балтов XI-XII вв. и их аналогия.

1 - меч из могильника Гинталишке (Плунгесский р-н Литвы);

2 - меч из бывш. Шиллинен (низовья р. Неман);

3 - меч из собрания музея Барджелло (Флоренция);

4 - «Щербец» - коронационный меч польских королей.

Материалы: 1 и 2 - железо; 3 - железо, плакированное серебром с инкрустацией медью; 4 - железо, плакированное серебром с чернью.

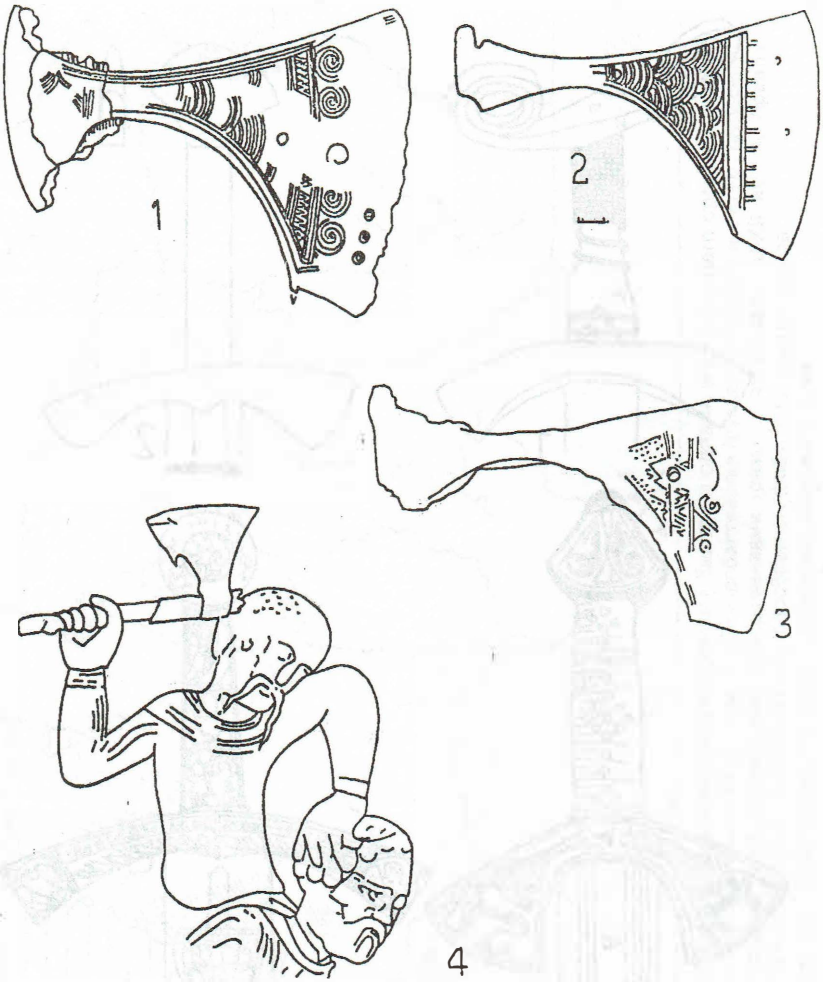

Рис. 3. Жертвенные топоры пруссов и ливов XI -XII вв.

1 - топор из погр. 16 могильника Ирзекапинис (Зеленоградский р-н Калининградской обл.);

2 - топор из дер. Углы (Новгородская обл.);

3 - топор из кург. 36 могильника Путели (Латвия);

4 - принесение в жертву миссионера Войцеха (сцена XIV Гнезненских врат).

Материалы: 1-3 - железо с таушировкой серебром; 4 - бронза.

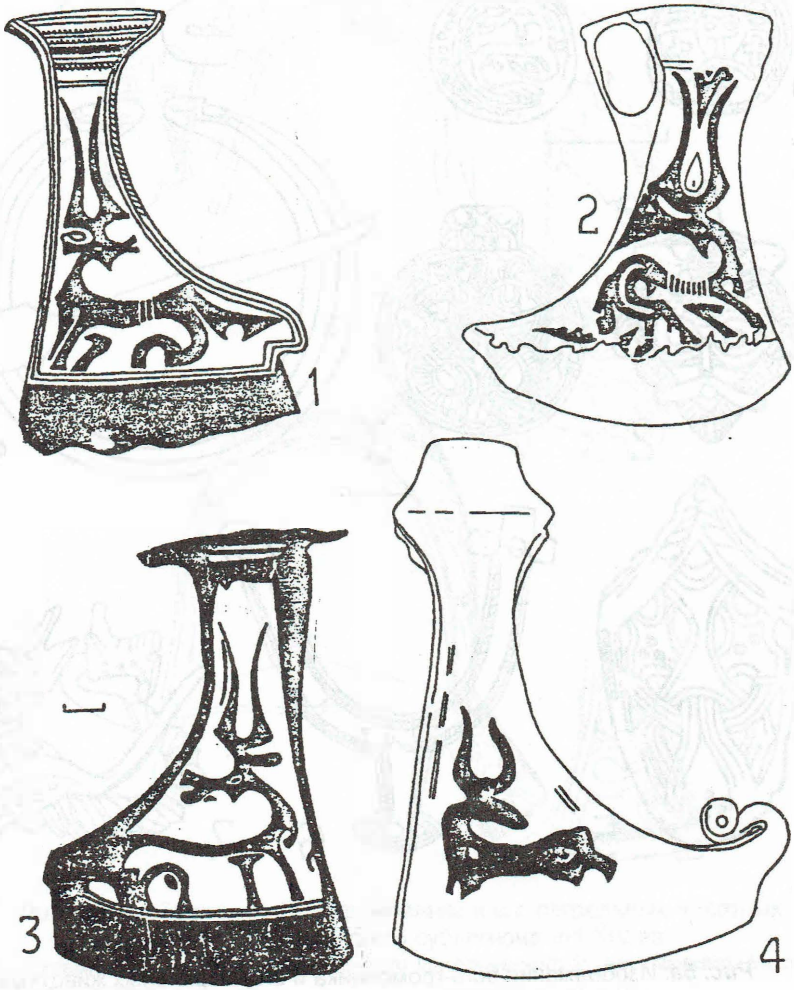

Рис. 4. Жертвенные топоры Шлёнска и Моравии.

1 - топор из Жагана (Зеленогурское воев.);
2 - топор из городища Шаубенберг;
3 - топор из Губена (Зеленогурское воев. Польши);
4 - топор из собраний Венского музея.
Материалы: 1-4 - железо с плакировкой серебром и инкрустацией бронзой.

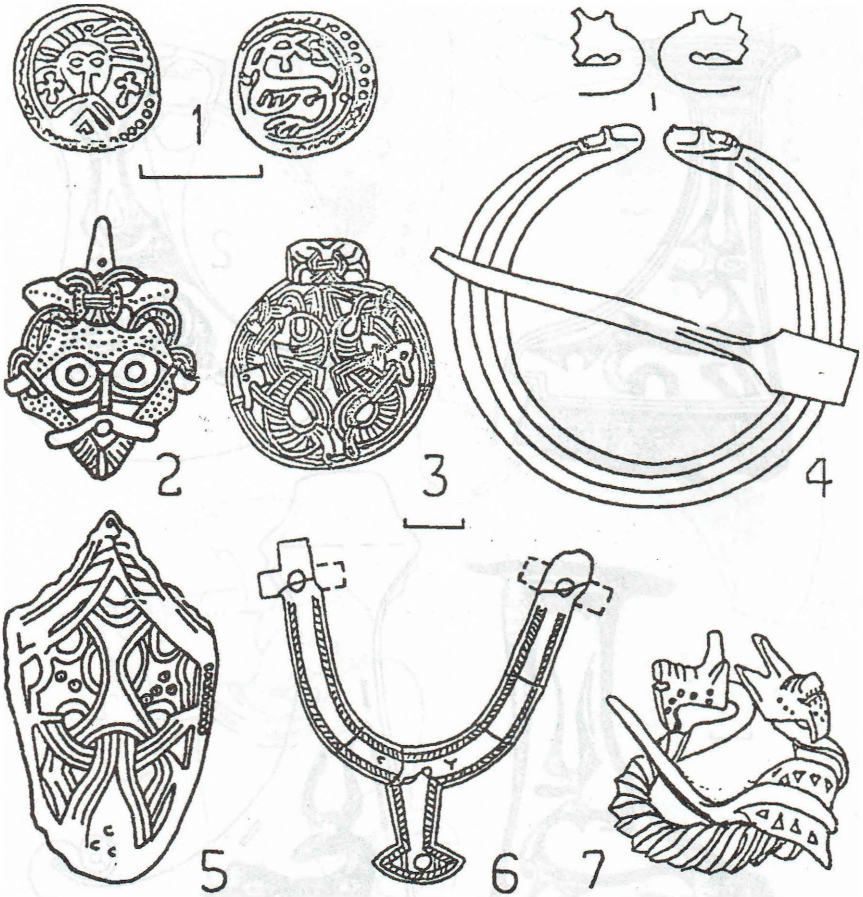

Рис. 5а. Изображения бога-громовника и его сакральных животных в искусстве Балтийского субрегиона VIII-XIV вв.

1 - скеатта VIII (Фрисланд);
2 и 3 - подвески X в. из гнёздовского клада 1868 г.;
4 - фибула из погр. 94 могильника Ирзекапинис (вторая пол. X в.);
5 - наконечник ножен меча из погр. 117 могильника Ирзекапинис (сер. X в.);
6 - накладка конского оголовья из погр. 45 могильника Ирзекапинис (кон. XI в.);
7 - фибула из Курглинтишкяй (Укмергский р-н Литвы);

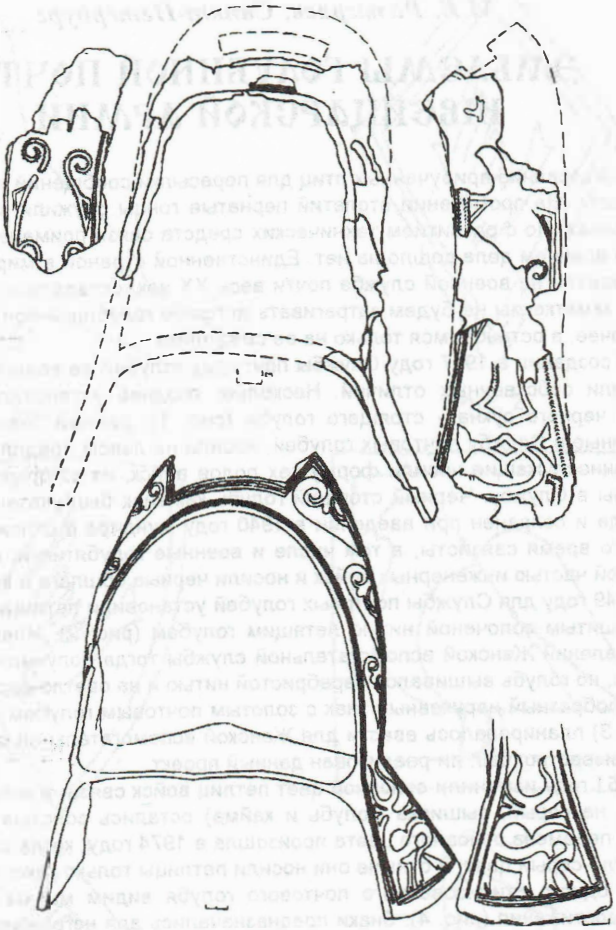

Рис. 5б. **Изображения бога-громовника и его сакральных животных в искусстве Балтийского субрегиона VIII-XIV вв.**

8 - стремя из фондов Государственного Исторического Музея (Москва). Место находки неизвестно;

9 - стремя из Каунасского исторического музея, случайно обнаруженное в погребении на могильнике Masteikiai, Kauno (KVIM, № 233212), Lietuva.

Стремена воспроизводят в своих нижних частях очертания лезвий культовых топоров.

Материалы: 1-3, 7 - серебро; 4 и 5 - бронза; 6, 8, 9 - железо, плакированное серебром.